

Представления о сне в верованиях жителей станицы Раздорская (К опыту этнолингвистического анализа полевых материалов*)

Насонова А.

Ростовский государственный университет,

г. Ростов-на-Дону

Представления о сне являются неотъемлемой частью традиционной культуры, связаны с различными ее сферами и выступают в качестве важного источника изучения и реконструкции традиционной картины мира. А исследование этого раздела с позиций этнолингвистики дает возможность определять своеобразие духовной культуры того или иного этнического образования. Так, в славянской духовной традиции сон — особое состояние, воспринимаемое как близкое к смерти. Верование в близость сна и смерти подтверждается, например, славянскими поговорками: сон — смерти брат; спит как мертвый и др. [3]. Задача данной статьи — сделать обзор представлений о сне в верованиях жителей ст. Раздорской.

Во время диалектологической экспедиции 2001 г. в эту казачью станицу были собраны интересные и, как показал опыт работы на других территориях бывшей Области Войска Донского, достаточно традиционные тексты по этой теме.

Тексты, описывающие представления о сне, очень разнообразны в жанровом отношении и разнородны по тематике. Например, особым жанром можно считать специальные молитвы перед сном. Процесс подготовки ко сну — это целый ритуал: необходимо перекрещивать окна и двери, иногда место, где спишь, и при этом произносить молитву. Считается, что при несоблюдении перед сном особых запретов и предписаний человек может быть подвержен опасности со стороны нечистой силы, заболеть, страдать бессонницей, мучиться страхами или даже умереть. Ритуал подготовки ко сну требует «приведения в порядок» не только самого человека (чтение специальных молитв), но и всего окружающего пространства. В этом отражаются черты архаического мышления с характерной для него нерасчлененностью: все, что принадлежит человеку, тождественно человеку. По верованиям носителей культуры данные действия должны обезопасить человека от опасности, связанной, во-первых, с иррациональностью сна, а во-вторых, с особым временем суток — ночью, когда существует возможность проникновения потустороннего, «чужого», мира в земной, «свой», мир: «Так я шоп спакойна уснуть, гаварю на ночь: Госпади, дай, Госпади, спакойна уснуть, спакойна спать ночь» [1]. А вот пример молитвы, где присутствует обращение к святым, которые должны «защитить» человека от опасности, исходящей от недоброжелателей: «Вот я лажусь спать: Царица нибесная, атвиди ат маеи души злых людей. Царица Нибесная и Николай Угодник» [1]. Интересно в данном тексте то, что информатор обращается к Богоматери и Николаю Угоднику, которому в русских заговорах приписывается способность защищать от колдунов, порчи, болезней, оружия, огненного змея, летающего к девице и пр. [2, т.3].

Представления о ночи как об особом времени суток, а также о сне как об особом состоянии, в котором человеку может являться нечистая сила, иллюстрирует следующая быличка о приходе огненного змея к женщине, затосковавшей по своему умершему мужу:

«А я вам дажы раскажу. Эта настоящий, настоящий эта. Типерь в дивяноста дивятам гаду вот эта Любачка мая <...> красивая, хорошая такая женщина. Сорак два года ей. У ние Саша, этот, любимый, пашол на работу и, гипиртоник, и сразу вдарила иво эта, и он дарогаи умир. И што праизошло: ана день и ночь кричит, день и ночь плачит. Вот ана говорить: мам, сплю, в адно время я иво дажы за хвост поймала. <...> А я говорю: эта ты плачиш, эта ты думаиш — эта прилител, говорю, Саша. Так што ты пиристань, гаварю, а то... — Ночь, мама, дажы ф пасьтель са мной лажылся. — Нильзя этава делать, нильзя задумывать. Нильзя так делать. Ты за ним следам пайдеш. Так ана гаварит: читай малитвы, фсе малитвы, какии там бапки... Как только вечер, ана пирикрещиваит фсе окна, фсе двери, а в двинацать — тр-р-р — трищить, а зайти ни можыть. Звук такой, што он рвеца, а чирис кристы ни можыть. <...> Сначала дочка сказала, внучка приближала ка мне: бабушка, ей плоха, к мамки папка литаить, каждый рас. Патаму шта ана плачить. — Значит, плакать нельзя? — Нильзя ни ф коим случии. Фсе таскують, я ей сказала: сколько пагибла у нас народу. Каждый таскуить па сваиму роцтвинику, но так убиваца тожы нильзя. Ей только кристы эти памагли. И он пиристал литать» [1].

Как показывает данный текст, в представлении информатора закрепление окон, дверей и произнесение молитв избавило женщину от «визитов» огненного змея. В мифопоэтической картине мира славян окна и двери осознаются как элементы «открывающие» дом, наиболее подверженные воздействию внешнего, «чужого» мира и поэтому нуждающиеся в особой защите. [2, т.2]. Итак, сон осмысливается как пограничное состояние, опасное для человека, поэтому действия, совершаемые перед сном, направлены на защиту домашнего пространства от нечистой силы, на организацию миропорядка и гармонизацию пространства вокруг спящего. Таким образом, попадание в пространство сна, с одной стороны, вполне естественно и необходимо для человека, но с другой — представляет опасность со стороны нечистой силы.

Значительной частью текстов, описывающих представления о сне, являются толкования сновидений. Причем наибольший интерес для исследователя традиционной духовной культуры представляют именно вещие сны. Устойчивостью символики и толкований обладают сны, предсказывающие смерть. Анализ символов сновидений этой группы и изучение механизма, по которому строится соотношение между знаком и его толкованием, позволяет составить обобщенный «образ» смерти в традиционной культуре донских казаков, обнаружить архаические зоны общеславянской картины мира. Часто в снах, предвещающих смерть, присутствуют образы, связанные с погребально-поминальным обрядом. Например, в основе толкований, относящихся к земле, лежат обрядовые ассоциации с могилой, её рытьем, могильным холмом, а также с любыми земельными работами, пахотой, обработкой огорода и пр. В снах о смерти довольно часто присутствует мотив разрушения, распада, он отражает общее представление о деструктивности смерти в противоположность жизни, созидающему началу. Этот мотив прослеживается, например в снах о доме как символе микро и макрокосма. Дом — это средоточие всех важнейших жизненных ценностей, он воплощает идею семьи и рода, связи предков и потомков, также имеет антропоцентрическую символику (ср. метафору: «окна — глазницы дома»). Поэтому треснувшие стены дома, обрушившаяся крыша символизируют смерть.

Та же идея нарушения целостности получила выражение в распространенном сне о выпавшем зубе: «А бывают сны к смерти, вот если снится, что дом разваливается или печка? — Эта к печали. Если печка свалица, зуп выпадаити или выкрашыца, эта к радьне какой-то. Как боль малая, значить к радьне...» [1]. Зубы по общеславянскому представлению связаны с понятием жизненной силы [2], поэтому символично, что потеря зуба ассоциируется у носителей культуры с утратой этой жизненной силы. В приведенном выше тексте разрушение печки также символизирует несчастье. Печь в традиционной картине мира славян является одним из сакральных центров дома, наряду с такими, как стол, красный угол и др., а также «играет особую символическую роль во внутреннем пространстве дома, совмещая в себе черты центра и границы» [2]. Печь является вместилищем пищи и огня, поэтому символически связана с идеей семейного очага, а также полноты и достатка в доме. Нарушение и разрушение домашнего центра также символизирует утрату гармонии, осознается как несчастье, смерть. Таким образом, символика сновидений может мотивироваться мифологическими представлениями и отражать их.

Но помимо мифологических и метафорических (ср. огонь в печи — домашний очаг) ассоциаций и организующего текст мотива разрушения в формуле «печка — к печали» присутствуют и лексико-фонетическая связь, т.е. данное толкование строится по принципу паронимии между знаком сновидения и ожидаемым результатом. Это довольно распространенный принцип (ср., тексты снотолкований, собранные на территории ст. Казанской Верхне-Донского района: «плетень — к сплетням»; «груша — к грусти», «мущина — к смущению»; «покойник — к спокойствию» и т.д.), по которому организуется механизм сонника, это явление требует дальнейшего рассмотрения и тщательного исследования. Изучение механизма снотолкования дает представление о значимых явлениях традиционной духовной культуры, о важнейших ценностях её носителей.

Анализ описывающих представление о сне текстов, собранных на территории ст. Раздорской показал, что здесь сохранились древние общеславянские верования в иномирную природу сна.

Историко-культурные и природные исследования
на территории РЭМЗ. Сборник статей, выпуск 2, 2004 г.

* Все тексты, использованные в статье, записаны во время экспедиции в ст. Раздорскую Усть-Донецкого района в 2001 г. При графической передаче текстов курсивом обозначается речь информаторов, обычным шрифтом — вопросы собирателей.

Библиографический список

- [1] Полевые материалы Фольклорно-этнолингвистической экспедиции РГУ.
- [2] Славянские Древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общ. ред. Н. И. Толстого. – Т. 1: А-Г. – 1995. – с. 584; Т. 2: Д-К. – М: Междунар. отнош., 1999. – с. 704; Т. 3: К-П. – 2004. – с. 704
- [3] Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. – М.: Междунар. отношения, 2002. — с. 512.